

Т.В. ГОГОЛИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

Е.С. ИБРАЙМОВА

(МБОУ СОШ № 146, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'367
ББК Ш141.2-22

МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ КОММУНИКЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОМНИТЕЛЬНОСТИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее частотные модели построения коммуникем со значением сомнительности, выявленные экспериментальным путём. Коммуникемы с данным значением при развертывании их до членимых предложений трансформируются по тема-рематической модели, при этом сама коммуникема содержит рему.

Ключевые слова: коммуникема, сомнительность, психолингвистический эксперимент, актуальное членение предложения.

Предметом нашего рассмотрения являются модели построения коммуникем со значением сомнительности. Под **коммуникемой** мы, вслед за В.Ю. Меликяном, понимаем «коммуникативную непредикативную единицу синтаксиса, представляющую собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимую, характеризующуюся наличием модусной пропозиции, нерасчлённо выражающую определённое непонятное смысловое содержание, не воспроизводящую структурных схем предложения и не являющуюся их регулярной реализацией, лексически непроницаемую и нераспространяемую, по особым правилам сочетающуюся с другими высказываниями в тексте и выполняющую в тексте реактивную, волюнтаривную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции» [Меликян 2001: 80].

В.Ю. Меликян отмечает, что «все коммуникемы строятся по вполне определенным моделям, в основе которых лежат конкретные языковые принципы. Первым шагом на пути установ-

ления модели построения коммуникемы является определение ее «производящей основы», т.е. той синтаксической конструкции, к которой эта модель применяется. Помогает это сделать прием экспериментального гипотетического достраивания» [Меликян 1999: 34]. Коммуникема – свернутый представитель членимого предложения, поэтому вместо всего членимого предложения в качестве реплики-реакции используется лишь отдельный его компонент, который может быть как словом или сочетанием слов, так и предложением (самостоятельным или являющимся частью другого, сложного предложения). Этот выбираемый компонент должен играть роль «ключа» для декодирования всей фразы слушающим и соответственно для кодирования говорящим. Правила вычленения такого «ключевого» компонента хорошо известны говорящим на данном языке. Такой компонент можно назвать маркером. Он должен характеризовать членимое высказывание, представляемое в речи, по двум параметрам: с точки зрения его коммуникативной цели (утверждение / отрицание; согласие / несогласие; подтверждение / опровержение) и с точки зрения его категориального значения (позитивности или негативности ответа: «да» или «нет») [Меликян 1999: 34].

Тот же В.Ю. Меликян в своей работе «Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения» определяет основные модели построения коммуникем:

1) **тема-рематическая модель**, базирующаяся на категории актуального членения предложения.

По рассмотренной модели коммуникемы могут строиться с помощью любого члена предложения, кроме подлежащего, которое чаще выступает в качестве темы высказывания. Использование предиката в этой роли наиболее частотно.

К разновидностям данных коммуникем относятся:

- имена существительные, предикативная функция которых обусловлена их номинативно-характеризующим значением: **Цирк!**, **Дурдом!**, **Чёрт!**, **Страх!**, **Жуть!**, **Конец!** и т.п. Например: – *А говоришь ты как? Ужас! Вместо квартира – фатера, вместо эвакуироваться – экуироваться, вместо как будто – кубыть...* («негат. оценка, недовольство, раздражение...»)

/М. Шолохов. Тихий Дон/. Ср.: *Бурмакин с ужасом заметил, что взятые им на прожиток в Москве деньги исчезли с изумительной быстротой* («с изумлением, негодованием, расстройством, досадой...») /М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина/;

- «отглагольные» коммуникемы, образованные на основе вопросительных и побудительных синтаксических конструкций: – *Хочу к маме! – говорит опять Нина. – Ну, знаешь. Уж если за мамину юбку держаться... Мы не для того добровольно пошли в армию, чтобы хныкать...* («возмущение, порицание...») /Е. Ржевская. От дома до фронта/.

Сюда также относятся коммуникемы типа: *Подумайте!, Смотрите!, Помилуйте!, Ну, знаете!, Понимаешь!, Подумай!* и др.;

- коммуникемы, построенные на основе обстоятельственного члена предложения: – *Вы мне завяжите глаза чем-нибудь да уйдите от меня в лес. А я минут через пяток начну вас искать. – Ну и не найдешь. – А вот и найду. – Никогда! – Испытаем* («несогласие...») /В. Катаев. Сын полка/. Ср.: – *Ты поддержишь меня при обсуждении доклада? – Я тебя никогда в этом не поддержу* («обстоятельственное значение»);

- коммуникемы, построенные на основе дополнения: – *Вижу, вы привезли нам что-то приятное. – Не без того, – отвечает Федоров* («утверждение, согласие...») /В. Ардаматский. Возмездие/. Ср.: – *Ты всегда опаздываешь? – Без этого мне не удается обойтись. /Из разг. речи/.* В данном случае «ключевым» компонентом синтаксической структуры членимого высказывания является дополнение *без этого* в сочетании с отрицательной частицей *не*. Эксплицирование остальной части предложения оказывается уже избыточным, т.к. она выполняет функцию темы и представлена в реплике-стимуле;

- коммуникемы, сформированные на основе обращений: – *Мать родная, да ведь это парнишка!.. – Неужто ухлопали?..* («удивление, досада, огорчение...») /М. Шолохов. Нахалёнок/. Ср.: – *Мать родная! Ты когда ребенком начнешь серьезно заниматься? /Из разг. речи/.* В подобных случаях происходит сужение семантики от номинативно-характеризующей до эмо-

ционально-оценочной, что соответствует общему механизму формирования оценочных коммуникем и др.

2) **структурно-семантическая модель**, предполагающая построение коммуникемы на основе предложения или его части:

- коммуникемы, построенные на основе простого предложения. Например: – *Они тут были, сатрапы, обратно – недоимки еще царского времени взымали. Мыслимо ли?* («возмущение, негодование...») /С. Залыгин. Солёная падь/. Ср.: – *Мыслил (размышлял) ли кто-нибудь об этом деле, когда отбирал для такого серьёзного дела несмышлёнышей вроде моего Паики...* («думал ли кто об этом + неодобрение, возмущение, негодование...»);

- коммуникемы, построенные по модели сложного предложения: – *Да-с, анархия – мать порядка. Видал миндал! Вот она, превратность судьбы* («удивление, разочарование, сожаление...») /И. Кремлёв. Большевики/. Ср.: – *Брат отказался помогать. – Видал, какой он миндал? /Из разг. речи/. Из структуры СПП заимствуются наиболее значимые (рематические) компоненты, благодаря этому достаточно легко можно восстановить его полную схему (как логико-семантическую, так и морфологосинтаксическую) и др.*

3) **логико-семантическая модель**, базирующаяся на использовании определённой схемы, имеющей логическую основу, получающую своё выражение на семантическом уровне.

Построение коммуникем по логико-семантической модели принципиально отличается от тема-рематической схемы. На семантическом уровне оно представляет собой процесс обобщения, а точнее, сужения значения синтаксической конструкции с понятийным значением до категориальной семы – «утверждения» или «отрицания» – базовых значений коммуникем: – *Сейчас же отдай мою книгу! – А морда не треснет?!* («отрицание, несогласие...»; «не отдам»; «много хочешь» и т.п.). Логико-семантическая модель предполагает переосмысление прямого значения высказывания на значение «отрицания»: – *Верни рукопись! – А больше ничего не хочешь?* («нет») /Из разг. речи/. Ср.: – *Принеси воды! – А больше ничего не хочешь? – Нет, спасибо* (значение вопроса) и др.

4) **ассоциативная модель**, основанная на сочетании двух полнозначных единиц, которые связаны ассоциативными отношениями. Например: *Елки-палки!*, *Елки-зеленые!* и др.: – Эх, *елки-зеленые! Провалили дело, – сказал он. – Через нашу неорганизованность провалили. Нешто иначе упустили бы этих подлецов?* («досада, огорчение, возмущение...») /А. Адамов. Последний «бизнес»/ [Меликян 2004].

Коммуникемы строятся по вполне определенным моделям, в основе которых лежат конкретные языковые принципы; образование того или иного типа предложений-заместителей обусловлено частотностью их употребления, характером семантики лексических элементов, которые используются в этой функции, а также соотношением прямого значения такого предложения с содержанием контекста, которое может быть реальным и ирреальным. Коммуникема обычно состоит из одной ремы производящей конструкции, что обеспечивает ее связь с темой, находящейся в предшествующем высказывании.

Чтобы определить основные модели построения коммуникем со значением сомнительности, мы провели направленный ассоциативный эксперимент, позволивший нам также выяснить, как семантика коммуникемы трансформируется в сознании носителей языка и соотносится с определёнными типами их моделей.

Мы выдвинули следующую гипотезу: коммуникемы со значением сомнительности при развертывании их до членимых предложений трансформируются по тема-рематической модели, при этом коммуникема содержит рему.

Было выбрано две группы респондентов (по 20 человек в каждой): 1) студенты 3 курса химико-технологического института УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2) студенты 4 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации УрГПУ, которые получили следующее задание: перестройте ответную реплику-реакцию в развернутое высказывание, сохранив при этом ее значение (данную реплику можно использовать в составе высказывания):

1) – *Ты правильно решил контрольную?*

– *Вряд ли.*

- 2) – *В какой аудитории у нас пары?*
– **Черт знает!**
- 3) – *В данном случае ты не прав?*
– **Сомневаюсь.**
- 4) – *Ты полностью согласен со мной?*
– **Ну...**
- 5) – *Правда, что пары не будет?*
– **Наверное.**

Мы выбрали для эксперимента коммуникемы, выраженные различными структурными образованиями (частицами, междометиями, вводными словами, фразеологизированными сочетаниями и др.) и передающие различные оттенки семантики сомнительности.

Обработка полученных реакций:

Коммуникема **вряд ли**

1) 38 из 40 респондентов трансформировали данную коммуникему, не используя ее в составе предложения: *Скорее всего нет, но время покажет. Я сомневаюсь, что решил контрольную правильно. Я решил контрольную, но считаю, что она решена не полностью правильно из-за недостатка моих знаний.*

Интересно то, что большинство респондентов трансформировало коммуникему в предложение, содержащее отрицательный ответ на заданный вопрос «Ты правильно решил контрольную?», и при ответе опирались на то, что не уверены в своих знаниях либо решили не все задания.

Двое трансформировали коммуникему, включив ее в составе высказывания: *Вряд ли я решил ее правильно. Большинство заданий я не смог решить, поэтому вряд ли.*

2) 22 из 28 респондентов трансформировали данную коммуникему, не включив ее в состав предложения: *Я не уверен, что решил все задания правильно. Сомневаюсь в правильности решения контрольной.*

Данные трансформации были довольно краткими и только констатировали сам факт того, что информанты с заданием не справились.

3) 6 человек из 28 использовали данную коммуникему в составе трансформации: *Вряд ли, потому что некоторые задания*

я плохо понял. Вряд ли я решил правильно контрольную. Я не уверен, вряд ли.

Коммуникема **черт знает**

1) все респонденты данной группы при трансформации данной коммуникемы не использовали ее в составе высказывания: *Я не знаю в какой аудитории у нас будут пары. Затрудняюсь ответить на данный вопрос. Я не знаю, мне это неинтересно в данный момент.*

В большинстве ответов идет отсылка к расписанию или деканату. Многие говорят о своей незаинтересованности в данном вопросе, о его неактуальности в данный момент. Эмоциональный оттенок, заложенный в данной коммуникеме, испытуемыми считан не был, и они дали нейтральные варианты ответов.

2) 7 респондентов из 28 использовали коммуникему в высказывании: *Черт знает, аудитория не указана. Черт знает в какой аудитории пары.*

Интересно то, что были использованы замены коммуникемы: вместо *черт знает* респонденты предложили варианты *Бог знает, Бог ведает*. Думаем, что это связано с личностным отношением к нечистой силе.

Остальные респонденты трансформировали коммуникему: *Понятия не имею, где будут пары. Мне неизвестно, где будут пары.*

Респонденты ИФКиМК считали экспрессивный оттенок, заложенный в коммуникеме, многие использовали и восклицательный знак в конце предложения, и грубые реплики: *Да не знаю я, где пары! Что ты привязался ко мне!*

Коммуникема **сомневаюсь**

1) 34 респондента из 40 не использовали данную коммуникему в составе ответного предложения: *Считаю, что данную ситуацию можно воспринимать по-разному, поэтому мое мнение имеет место быть. Может быть я не прав, но нет доказательств этого. Скорее всего, я прав.*

Некоторые респонденты не до конца считали значение коммуникемы и перенесли свое внимание в первую очередь на контекст: *Я считаю, что я прав. Я считаю обратное.*

6 респондентов из 40 использовали коммуникему в составе предложения: *Сомневаюсь, так как я очень хорошо разбираюсь в этой теме. Я сомневаюсь в своей правоте. Сомневаюсь в этом. Я считаю, что права и останусь при своем мнении.*

В данном случае при трансформировании коммуникемы использовались как тема-рематическая, так и структурно-семантическая модели.

2) 7 из 28 респондентов этой группы использовали коммуникему в составе предложения: *Может быть и прав, но все равно я сомневаюсь. Сомневаюсь, ибо я привел неоспоримые доказательства. Сомневаюсь, что я не прав.*

Остальные респонденты при трансформировании коммуникемы не использовали ее в составе предложения: *Думаешь? Вряд ли я не прав. Скорее всего, я прав в данном случае.*

Практически все участники этой группы считали значение коммуникемы и не переключили свое внимание на ситуацию, в рамках которой была предложена данная коммуникема.

Коммуникема **ну...**

1) 5 респондентов из 40 использовали данную коммуникему при трансформации: *Ну, даже и не знаю. Ну, вообще, не совсем согласен с твоими утверждениями. Ну, как сказать, в чем-то ты прав, но не во всем.*

Остальные респонденты не задействовали коммуникему в своих предложениях: *Извини меня, пожалуйста, но в данном случае я затрудняюсь ответить. Я не уверен в этом. Наверное, я не могу полностью согласиться с тобой.*

2) 11 респондентов из 28 использовали данную коммуникему в своих предложениях: *Ну, на твоём месте я бы не стал так категорично утверждать. Ну, вроде да, а может, и нет. Ну, как сказать, скорее всего, нет.*

Остальные респонденты не использовали коммуникему при трансформации предложений: *Я не совсем согласен с тобой. Как тебе сказать, ты в чем-то прав по-своему, у каждого своя правда. У меня есть сомнения в твоей правоте.*

Коммуникема **наверное**

1) 35 респондентов из 40 не использовали данную коммуникему в своих предложениях: *Я думаю, что такое не исключе-*

но. Скорее всего, пары не будет. Не знаю, возможно, не будет. Я не знаю, староста еще не звонил преподавателю.

Остальные 5 респондентов употребили данную коммуникему при трансформации: *Наверное, но я еще точно не знаю. Многие говорят, что преподаватель заболел, поэтому, наверно, не будет. Да нет, наверно.*

2) 24 респондента из 28 не использовали данную коммуникему в своих предложениях: *Я точно не знаю, не уверен в этом. Я сомневаюсь в правдивости слуха, что пары не будет. Говорят, правда, спроси в деканате.*

Остальные респонденты использовали эту коммуникему при трансформации: *Наверное, вчера об этом говорили. Наверно, скорее всего, не будет. Наверное, по крайней мере, слухи ходят, хотя расписание пока не изменили.*

Интересно то, что в предложенных вариантах очень часто респонденты ссылаются на недостоверность фактов, на необходимость для уточнения информации обращаться к старосте или в деканат, что свидетельствует об актуальности подобных ситуаций для говорящего.

В ходе эксперимента мы пришли к следующим выводам.

За коммуникемой в сознании носителей языка, действительно, стоит предложение или довольно развернутое высказывание, над синтаксическим планом преобладает семантический: *вряд ли = К преогромнейшему сожалению, я не совсем уверен в своих силах в данной контрольной работе, но думаю шансы есть. Сомневаюсь = В данном случае я бы не стал так резко заявлять о правильности или неправильности моих мыслей, ибо проблема может крыться в твоём недопонимании и другом восприятии.*

При развертывании коммуникемы большинство респондентов не включают ее в составе предложения, что свидетельствует о том, что для носителей языка важнее содержание, а не форма. Респонденты в первую очередь ориентировались на значение коммуникемы, а не на способ ее выражения. Хотя в ряде случаев респонденты ИФКиМК считывают не только содержание, но и форму, что объясняется, по нашему мнению, лингвистической подготовленностью испытуемых. Также они лучше улавливают

эмоциональные оттенки семантики коммуникем: ими часто предлагалось несколько вариантов перестроенной фразы, но при этом все варианты были максимально лаконичны. Студенты УрФУ давали более развернутые ответы, не только опираясь на значение коммуникем, но и расширяя его за счет включения контекстных мотивов.

При развертывании коммуникем заметно проявляются личностные смыслы, то, что актуально для говорящего, например, отсылка к авторитету, к конкретным фактам (*пары вроде в 275, спросить в деканате, у старосты*) и др.

Коммуникемы со значением сомнительности частотны в речи студентов, во многих ответах мы видим использование одной коммуникемы вместо другой, эквивалентной ей.

Гипотеза эксперимента полностью подтвердилась: среди моделей коммуникем с семантикой сомнительности преобладает тема-рематическая, т.к. коммуникемы чаще всего используются в диалоговых единствах, для которых характерно тема-рематическое членение, как ответные реплики, содержащие рему.

Употребление коммуникем соответствует принципу экономии речевых усилий. Благодаря краткости и в то же время содержательности и эмоциональности коммуникем, можно максимально сократить довольно обширное высказывание, что и продемонстрировал представленный в статье эксперимент.

ЛИТЕРАТУРА

Меликян В.Ю. Модели построения нечлененых предложений со значением утверждения/ отрицания // РЯШ. 1999. № 5.

Меликян В.Ю. Об основных типах нечлененых предложений в русском языке // Филологические науки. 2001. № 6.

Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения. – Ростов-на-Дону, 2004.

© Гоголина Т.В., Ибраимова Е.С., 2013